

ВНЕЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

С. А. Лунькова

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, s.lun04@mail.ru*

В статье исследуются внеязыковые приемы воссоздания прошлого в современной исторической прозе на примере романа Алексея Иванова «Тобол». Основная задача работы — выявить, как автор сочетает исторические факты и вымысел для создания достоверного и эмоционально насыщенного образа прошедших эпох, а также проанализировать этические аспекты изображения прошлого. Исследование показывает, что ключевая задача Иванова заключается в синтезе документальной основы с художественной фантазией. В «Тоболе» автор использует множество реальных исторических фигур, гармонично вплетая в повествование вымышленных персонажей. Судьбы последних позволяют раскрыть как масштаб исторических событий, так и мифологическое восприятие Сибири, демонстрируя при этом неоднозначность этических оценок прошлого, особенно ярко выраженную в образе Петра I, где «чудо» и «чудовище» сходятся воедино.

Ключевые слова: Алексей Иванов; исторический роман; поэтика; историческая достоверность; реконструкция; литературоведение.

EXTRA-LINGUISTIC TECHNIQUES FOR RECREATING THE PAST IN MODERN HISTORICAL PROSE

S. A. Lunkova

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia, s.lun04@mail.ru*

The article explores extra-linguistic techniques of recreating the past in modern historical prose using the example of Alexey Ivanov's novel "The Tobol". The main objective of the work is to identify how the author combines historical facts and fiction to create a reliable and emotionally intense image of past eras, as well as to analyze the ethical aspects of depicting the past. The study shows that Ivanov's key task is to synthesize the documentary basis with the artistic fantasy. The author uses a variety of real historical figures, harmoniously weaving fictional characters into the narrative in "The Tobol". The fate of the latter allows us to reveal both the scale of historical events and the mythological perception of Siberia, while demonstrating the ambiguity of ethical assessments of the past, especially vividly expressed in the image of Peter I, where "miracle" and "monster" come together.

Keywords: Alexey Ivanov; historical novel; poetics; historical authenticity; reconstruction; literary criticism.

Исторический роман — жанр, в котором прошлое оживает не просто как хроника событий, а как живая ткань судеб, конфликтов и мировоззрений. Особенно сложной и значимой становится задача писателя, когда речь идет о периодах радикальных перемен, когда старое сталкивается с новым, центр — с периферией, цивилизация — с традицией. В романе «Тобол» Алексей Иванов берет за амбициозную задачу: показать эпоху петровских реформ не с парадных улиц Петербурга, а с далеких берегов Иртыша, где история обретает иной масштаб, иной голос и иное лицо.

Отказавшись от упрощенных моральных схем и героического пафоса, Иванов создает многоголосое, многомерное повествование, в котором документальная точность переплетается с мифологическим воображением, а колонизация Сибири предстает не как триумфальный марш цивилизации, а как сложный, болезненный и этически неоднозначный процесс. Через призму судьбы реальных и вымышленных героев — от царя Петра I до ссыльных шведов и остяцких девушек — автор исследует природу власти, цену прогресса и возможность диалога между культурами.

Мастерство прозаика, обратившегося к исторической тематике, заключается во многом в умении соединить исторические факты, исторических персонажей с вымыслом. Прототипы придают достоверность, вымысел — масштабность, эмоциональный окрас. Иванов обладает таким мастерством.

«Тобол» Алексея Иванова представляет собой исторический эпос о колонизации Сибири при Петре I. Это роман-пеплум, жанр, предполагающий масштабность и драматизм события. Иванов берет широкую историческую дистанцию: действие охватывает рубеж XVII–XVIII веков, когда в далеком городе Тобольске — столице тогдашней Сибири — сталкиваются старый уклад и ветер петровских реформ. Своеобразие «Тобола» в том, что автор смотрит на историю с периферии империи. Центр — Петербург, Москва — остается за кадром, а в фокусе — окраина. Суровый и притягательный мир сибирского пограничья, где русский воевода, православный миссионер, шаман-ягун и ссыльный шведский офицер оказываются участниками одной драмы. Ивановский роман богат множеством персонажей и сюжетных линий, словно пестрая мозаика. Реализм в нем соседствует с элементами мифологии и магического — автор вплетает в ткань повествования сибирские легенды, шаманские видения и библейские аллюзии. Благодаря этому «Тобол» выходит за рамки простой хроники: перед читателем предстает мифологема Сибири — как земли, где чудо соседствует с чудовищным, прогресс — с варварством, а история обретает почти сакральное измерение. Иванов переосмысляет жанр русского исторического романа, сочетая документальную основу — реальные события, фигуры Петра I, губернатора Гагарина, картографа Ремезова — с новаторским взглядом, близким современному читателю.

Алексей Иванов в «Тоболе» сочетает множество исторических фигур с группой вымышленных героев, создавая масштабное полотно, где вымысел и история равноправны, дополняют друг друга. Из реальных: губернатор Матвей Гагарин, картограф Семен Ремезов, царь Петр I, митрополит Филофей, пленный швед Страленберг, Девлет-Гирей и другие — почти все ключевые официальные лица Сибири того времени. Иванов тщательно следует реальным биографиям. Гагарин действительно проводил экспедиции, затем был казнен за взятки: «16 марта 1721 г. Г. был повешен перед окнами Юстиц-коллегии, в присутствии царя и всех своих знатных родственников» [5, с. 81].

Ремезов создал «Чертежную книгу Сибири». Страленберг был пленен и написал книгу: «Ф. И. Страленберг прославился благодаря тому, что, вернувшись из русского плена, из Сибири и из экспедиции Д. Г. Мессершмидта, издал в 1730 г. в Стокгольме свою знаменитую книгу (Strahlenberg 1730)» [2, с. 253]. Девлет-Гирей осаждал Тару: «7 сентября 7160 (1651) г. 22 к монастырю неожиданно подошли 100 воинских людей царевичей Девлеткирея и Аблаева сына Кучука, разграбили и пожгли монастырь, убили трех старцев и 17 человек монастырских служек и увели с собою 20 человек обоего пола» [6, с. 24]. Такие фигуры придают роману документальную основу. Вымышленные герои — к примеру, молодой офицер Иван Демарин, остячки Айкони и Хомани, этнограф Григорий Новицкий. Айкони и Хомани — девушки из народа — полностью плод фантазии, но их линия позволяет показать мифологическое восприятие Сибири.

В «Тоболе» Алексея Иванова этические акценты расставлены вокруг темы колонизации, столкновения цивилизации и традиции, новаторства и консерватизма. Иванов известен стремлением давать объективную картину. В «Тоболе» русские завоеватели не изображены ни благодетелями, ни исключительно угнетателями — они разные.

Сибирские туземцы ханты, манси — тоже: показаны и благородные старейшины, и коварные воины. Остячка Хомани выражает тоску по своей прежней жизни и то, как тяжело ей в неволе, а также о забвении традиций ее народа. «Здравствуй, Большой Лес, — негромко заговорила она по-хантыйски. — Я так давно не была у тебя... Мне очень грустно и одиноко. Меня держат в неволе и бьют. Моя сестра прячется от людей, а мой народ принял другого бога. Никто тебя уже не слушает, Большой Лес, и никто не слышит меня» [3, с. 621].

Другая остяцкая девушка Айкони просит о свободе, обращаясь к своим соплеменникам на родном языке. «Епарка, Покачей, — негромко окликнула Айкони по-мансийски. — Отпустите меня. Разрежьте мои веревки» [3, с. 542].

Вместе с тем роман не нейтрален к нравственным вопросам власти и прогресса. Иванов подчеркивает, что внедрение новых порядков идет жестоко: губернатор Гагарин строит форпосты и заводы, но ценой притеснений местного населения и коррупции: «На обратном пути по Иртышу, уже ниже болотистого Зайсана, Лихарев заложил еще один ретраншемент — Усть-Каменогорский, а меж крепостей утыкал всю реку сторожевыми форпостами» [3, с. 409].

О коррупции свидетельствует оставшееся письмо Гагарина царю: «И я, раб ваш, приношу вину свою пред вашим величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто, непорядочно и не приказным поведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не подлежало, и в том погрешил пред вашим величеством» [1, с. 155].

В романе трагически звучит линия сибирского князька Девлет-Гирея: он сотрудничал с русскими, старался сохранить свой народ, однако его планы привели к страшным последствиям: «Коварный Девлет-Гирей прикнул к Мергену: он мечтал возродить Сибирское ханство Кучума. Девлет и Мерген истребили Ирбитскую слободу и Катайский острог и спалили скит старца Далмата — старец уцелел только чудом» [3, с. 352].

Есть сцены расправ над бунтующими остяками, которые не вызывают у автора одобрения — текстом это не говорится, но тон описания сочувственный к жертвам и критический к палачам. Одновременно автор дает понять: прогресс все же несет и благо — в Тобольск приходят образование, наука. Но и здесь есть этическая двусмысленность: учитель-миссионер искренне несет свет веры и знаний, но его методы где-то и ломают души. Иванов высказывает мысль, что история не черно-белая, и моральные оценки зависят от точки зрения. Он словно предлагает читателю: «Смотри, как было сложно: центр и периферия, оба правы и неправы по своему».

Особенно ярко это выражается в образе Петра I, который появляется в финале романа. Колобаева обращает внимание, что «фигура Петра <...> видится прежде всего неоднозначной <...> в которой одновременно сошлись и непримиримо столкнулись начала „чуда“ и „чудовища“» [4, с. 387]. Действительно, Иванов показывает Петра и как дальновидного реформатора, и как жестокого правителя, равнодушного к судьбам отдельных людей. Такая двойственность этической оценки — смелый шаг, учитывая, что Петра в официальной историографии принято восхвалять.

С одной стороны, Иванов словно говорит: «Едва ли мы имели бы право приложить к иному времени наши мерки и наши требования» [1, с. 155]. С другой — сопоставляя судьбы героев, он проводит, например, параллель: жестокость Петра мало чем лучше дикости шамана — оба

губят людей ради своих идей. Это мощный этический посыл: цель не оправдывает средства.

«Тобол» Алексея Иванова представляет собой современный исторический роман, мастерски сочетающий документальность и вымысел. Автор смещает фокус на периферию империи — Сибирь, предлагая уникальный взгляд на колонизацию и столкновение цивилизаций. Роман исследует сложные этические дилеммы власти, прогресса и межкультурного взаимодействия, избегая однозначных оценок. Ключевым элементом становится неоднозначный образ Петра I, воплощающий как прогрессивные идеи, так и жестокость. Иванов, критически сопоставляя разные формы насилия, транслирует главный посыл: цель не оправдывает средства. Таким образом, «Тобол» не только переосмысливает жанровые каноны исторического романа, но и предлагает глубокое этическое осмысление прошлого, побуждая читателя к самостоятельному и критическому восприятию исторических процессов.

Библиографические ссылки

1. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Двухсотлетние поминки по В. Н. Татищеву // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 4–5. С. 154–157.

2. *Бондарь Л. Д., Бородаев В. Б., Вальравенс Х., Зорин А. В., Лефельдт В. Ф. И. Страленберг и его карта великой Татари (Два письма Ф. И. Страленберга к И. Ф. Брейне 1723 и 1724 гг.)* // Кунсткамера. 2022. №1 (15).

3. *Иванов А. В.* Тобол. Мало избранных : роман-пеплум. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018.

4. *Колобаева Л. А.* Русский исторический роман по-новому : «Тобол» Алексея Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. Т. 24. № 3. С. 376–389.

5. *Корсакова В. Д.* Гагарин, Матвей Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 4.

6. *Миллер Г. Ф.* История Сибири : в 2 т. / 2 изд., доп. М. : «Восточная литература» РАН, 1999. Т.1.